

Двадцать четыре кадра в секунду / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Двадцать четыре кадра в секунду / рассказ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КАДРА В СЕКУНДУ

Когда-то жизнь состояла из красоты. Маги старался держать в памяти картины, что складывали его жизнь в калейдоскоп любви, и пусть воспоминания эти вспыхивали искрами, и сразу гасли, не давая огня, коротких вспышек ему хватало, чтобы почувствовать себя живым.

Свои обязательные по закону десять минут перерыва через каждые три часа, Маги тратил не на перекусы – на работе он есть не мог, – он выходил из здания, ложился на траву, и закрывал глаза. На внутренней стороне век проносилась череда образов: глубоко-голубое небо, в мягкости которого он купался как в заливе Манилы; люди-цветы на карнавале Синулог, что носили его-ребёнка на руках и пели ему; Имме, в момент её рождения – распутившийся бутон – вся красная и такая маленькая, страшно держать в руках. Картинки чередовались быстрее, словно пытаюсь собраться все разом, но не вмещались, и уходили за область зримого, в уголки закрытых глаз Маги, превращаясь в свет. Образы памяти переходили в сферу, где рождалось несовместимое с реальностью чувство счастья в растёртых до боли глазах. Маги жаждал продлить это состояние, но перерыв кончался, и приходилось возвращаться к реальной жизни. К кошмарам. Пока Маги был ребёнком, его умение видеть прекрасное всех умиляло, но когда он дорос до полного имени Магтанггол, и обзавёлся семьёй, а на смену его детской восторженности не приходила взрослая серьёзность, из радости для родни он превратился в разочарование. Все, в его семье, и в семье его жены Ами, обладали хоть сколь-нибудь полезными навыками и профессиями – каменщики, парикмахеры, уборщики, а самые везучие – паромщики и торговцы. От Маги ждали большего. Дитя

нового века, с новыми возможностями, что добрались и до их Филиппин, он мог стать кем угодно, но его угораздило родиться с душой художника, и закончить колледж искусств. Но, оказалось, на умение видеть, объяснять и показывать прекрасное нельзя содержать семью, и, не приноровившись к чужеземной профессии клерка, пришлось ему осваивать профессии родни.

Брат жены, здоровяк Амин, брал Маги с собой штукатурить стены, таскать мешки с мусором, и несколько раз устраивал вылазки в порт Манилы, где с рассвета и до конца навигации они разгружали паромы. Несмотря на боль в спине и руках от конвейера тяжестей (из-за нехватки погрузчиков приходилось всё таскать на себе), несмотря на жар полуденного солнца, от которого в глазах всё плавилось, Маги любил быть здесь, часами смотреть на море, впитывать его блики, цвета. Запоминал старательно, глядя до рези в глазах, пока красота не отпечатывалась негативом внутри. В свободные минуты, на обеде или в долгой поездке из Манилы в пригород, Маги наспех зарисовывал всё это в блокнот. Деверь однажды спросил, зачем он тратит время на карандашную возню, если можно просто снять всё в одну секунду на телефон, и тут же проделав эту операцию, показал результат Маги. Он взглянул на фотографию и покачал головой:

– Нет, не то, цвета совсем другие, они искажены. Здесь, – показал он кончиком карандаша на телефон, – совсем не то, что здесь, – и постучал карандашом по виску.

Амин лишь рассмеялся в ответ:

– Умник с дипломом работает в доке! – самая длинная фраза в его арсенале.

Маги не обижался – пусть Амин и не понимал, зачем ему красота этого мира, смеялся над его образованием, но он единственный помогал его семье сводить концы с концами, и Маги ему благодарен.

Блокнот с этюдами был обещанием самому себе, обещанием будущей картины, огромного полотна, на которое, будет время, и он перенесёт всю красоту, что видел в мире. Но времени никогда не было. С работы Маги еле приносил себя домой, и, едва взглянув на своих Ами и Имме, забывался каменным сном.

Когда работы не было день или два, Маги надевал свой единственный, свадебный костюм, и ходил искать «настоящую» работу, место, где могла бы пригодиться его голова. И пусть в смотрители галерей и даже в школьные учителя его не брали, он не отчаивался, продолжал искать. Иногда Маги подумывал оставить всё, заняться творчеством, получить грант, как сделали несколько его однокурсников – в своих способностях он был уверен, а рекомендации можно достать. Но при всех заоблачных перспективах, Маги хорошо понимал, что это билет в Америку, в одну сторону, на одного, а он не мог оставить за скобками жизни дочь и жену, не вынес бы разлуки с ними. Ради них он шёл на улицы убирать мусор или заводил погрузчик ни свет ни заря, и жалел лишь об одном – что не получается делать для них ещё больше. Так что когда однажды узнал, что в пригороде Манилы открыла вакансии какая-то большая западная корпорация, он, несмотря на пекло, снова влез в костюм, и, чудом не испачкавшись в толкучке вагона, сошёл на станции Бикутан. В лабиринте кварталов Паранака набрёл на серую стеклянную скалу торгового центра, и оказался в одном из офисов корпорации Facebook, разбросанных по всему миру семенами подсолнуха.

Его встретил человек, в манерах которого было что-то начальственное, хотя в мятом костюме и несвежей рубашке он выглядел едва ли лучше самого Маги. Несмотря на официальную прохладцу беседы, Маги понравилось говорить по-английски, на равных, о своей учёбе, жизни, даже о политике. Он испытывал приятную гордость от того, что, судя по вопросам, человеку, похожему на босса, интересно, как Маги думает, а не то, сколько он, такой тощий, сможет перетащить ящиков, прежде чем свалится с ног.

– Значит, ты художник? – спросил его человек, похожий на босса, словно подводя итог.

– Да, – ответил Маги, и почему-то важным счёл добавить: – Люблю и умею видеть красивое.

Его немного смущало, что до сих пор говорили только о нём, а не о том, какую надо делать работу, но надежда уже расправляла крылья в его душе.

– Плевать на красивое, – без обидняков сказал человек, похожий на босса. – Важно, умеешь ли ты отличить хорошее от дурного.

– Хорошее искусство от плохого искусства? – уточнил Маги. Галстук, теперь такой неуместный, жал ему кадык.

– Нет. Забудь про искусство. Отличишь хорошее от плохого? Ну, вот... девочка улыбается на фотографии – это хорошо?

– Хорошо... – рискнул предположить Маги, догадавшись, что самая важная часть собеседования началась только что.

– А фотка, где мужик вставляет свой инструмент маленькой улыбающейся девочке – это хорошо?

– Ужасно! Не понимаю...

– Слушай внимательно, – перебил его человек, похожий на босса, который и был боссом. – В интернете каждую секунду миллионы людей постят миллиарды фоток в соцсети, такие как фэйсбук. В основном – селфи и прочая фигня, но встречается порнушка, садизм и всякое такое, что белый господин с запада не хочет, чтобы его детки увидели, случайно ткнув на кнопку. Умники в головном офисе понастроили защит и всяких фильтров от этой херни, но этого недостаточно. Код блокирует подозрительное изображение, но дальше он просто не понимает – девочка улыбается потому, что улыбается, или это гримаса боли от того, что с ней делают. Для этого нужен человек. Редактор с моральными принципами, европейским складом ума, способный понять, что такое хорошо и что такое плохо. Такой как ты.

– Я? – переспросил Маги, не чувствуя ничего, кроме галстука, впившегося в горло.

– Схема такая: на твой рабочий компьютер в режиме реального времени сыпятся фотки и видео, которые пользователи со всего мира отмечают как оскорбительные. Ты просматриваешь каждый снимок, каждое видео, если это и правда запрещёнка – удаляешь. Если нет – пропускаешь. В спорных случаях или если что не понятно – обращаешься ко мне. Простая работа, её и обезьяна могла бы делать, умей она отличить добро от зла. Три доллара в час просто за то, что ты нажимаешь кнопки. Ну как?

Маги забыл даже про галстук. Нигде ему не предлагали, и не предложат такие деньги – они с Ами смогут позволить себе

отдельное жильё, Имме будет учиться в хорошей школе. Он пожал толстую влажную руку нового начальника, и с этого дня его жизнь превратилась в бесконечный кошмар.

Магтанггол Адона – умница, талант и счастливчик. Он контент-менеджер в корпорации Facebook, носит на шее вместе с галстуком пластиковую карточку – ключ от дверей в рай европейского благополучия – постоянной работы. Соседи, родня, те, кто раньше смеялся над Маги и его дипломом, заговорили о нём уважительно, он поднялся на высоту, до которой им, простым работягам, не дотянуть. Даже Амин, помогая с переездом, протянул ему свою большую красную руку, как равному, и сказал: – Ты молодец, брат.

Маги чувствовал иначе.

Маги повсюду теперь видел красный, много красного цвета. Не тот красный, что переходит из одного тона радости в другой в тиниклинге, когда танцоры словно перемешивают собой тела и цвета. Не тот красный, что носили люди на карнавалах, превращаясь в живые букеты. То был цвет ада с полотен сюрреалистов, цвет боли. Кадры этого цвета – самые насыщенные оттенки – проносились перед Маги со скоростью двадцать четыре кадра в секунду – максимум, который способен воспринять человеческий глаз.

Из основ анатомии Маги знал, но умом никогда до конца не верил, что в плоти живого существа так много жидкости и столь насыщенные цвета – если бы он писал такую картину, то решил бы их «приглушить», иначе слишком ярко, неестественно. Неестественно, в это верилось ещё меньше, что люди умеют творить друг с другом, с живыми бессловесными существами, и с собой такие вещи. Вещи, у которых не было названия, и которые заставляли волосы на голове плясать.

И, наконец, он не знал о себе, что может выдержать подобное. В первый день, его первый подход к работе, к экрану монитора, на котором проносились кадры и видео, занял всего несколько минут. Потом Маги пробежался в конец коридора избавиться от завтрака, что утром с любовью подала ему Ами. Вернувшись в свой закуток, отделённый от других таких же картонной перегородкой, Маги растёкся в кресле, и стал ждать приказа

убираться вон, но голос из-за перегородки слева произнёс:

– Восемь минут продержался. Ничего для первого раза. Скоро привыкнешь.

– Как можно? К такому? Привыкнуть?

– А как иначе? – ответил голос. – Ты что, не знал, на что подписываешься?

– Не знал... – сказал Маги про себя, но невидимый сосед почему-то рассердился:

– Тогда что ты тут делаешь? Знаешь, сколько народа мечтает о твоём месте? Если тебе и правда нужна эта работа, советую не отрываться от монитора. Поток идёт в реальном времени – не успеешь отреагировать, изображение проскочит, опубликуется автоматически, на компанию могут подать в суд. Если это всплывёт – тебя вышвырнут, и наймут кого порасторопней.

Яростный стук клавиш из-за перегородки донёс, что сосед не собирается продолжать общение. Маги заставил себя посмотреть в монитор. На его экране появилась фотография: кто-то большой и белый позировал с ножом и широкой улыбкой на фоне внутренностей только что освежёванной им туши то ли собаки, то ли свиньи, а может и маленького человека. Из вариантов действий, Маги выбрал иконку «удалить», и передал информацию дальше по цепочке. Что будет с этим человеком на фото, понесёт ли он наказание за то, что сделал? Маги не знал, но догадывался, кто подскажет.

– Это не наше дело, – покачал головой босс. – Редакторы отсылают контент на выбраковку, просто уничтожают.

– Почему нельзя просто банить всё это одним потоком?

– Программа так и делает. Если не контролировать процесс, в фильтр попадает всё, что угодно: и нарушения, которые отсекает редактор, и обычный контент. Кто-то случайно в кнопку «пожаловаться» ткнул или твоя бывшая решила, что фотка твоей нынешней её оскорбляет. Если грамотно отбирать, потребитель не увидит того, что не хочет, а необходимое не пропустит.

– Не лучше ли, – неуверенно предположил Маги, – обычным картинкам время от времени застревать в фильтре, чем редактировать этот... кошмар?

– Контент, – поправил босс. – Это так не работает. Нарушает

свободу слова – основную свободу клиентов. Это политика компании, мы же не в Китае.

Все эти права, свободы, политика, догадался Маги, распространялись на тех людей за океаном, половина которых снабжала работой его, а должна бы – полицейских в этих далёких, чуждых странах.

– Ты, кажется, недоволен своей работой, Адона? – поинтересовался босс, словно прочитав его мысли.

– Я просто думаю, как можно устроить так, чтобы никому не пришлось смотреть на эти ужасные вещи, – объяснился Маги.

– Молодец, желаю удачи. Если научишь алгоритм фильтровать порнуху и расчленёнку, получишь от Цукерберга кучу бабок, и станешь в Америке замом главного редактора.

– Серьёзно?

– Ага. А ещё ты оставишь без работы не только наш офис, но всех контент-менеджеров – таких же голодранцев из стран третьего мира, как ты. Так что впредь советую думать тихо, и в свободное от работы время.

Босс оглядел Маги внимательно, как в первый раз, и добавил:

– Я сам начинал редактором, так что мой тебе совет: никогда не принимай... контент... всерьёз. Представь, что всё это только картинки, не настоящее. Это уже случилось, всё равно никому не сможешь помочь. Зато ты можешь помочь своим друзьям и родным на фэйсбуке не столкнуться с этим. У тебя же есть друзья на фэйсбуке?

У Маги не было друзей на фэйсбуке, аккаунт в социальной сети он бросил – отнимало время от рисования, и казалось скучной заменой простой возможности поболтать. Но у Ами там есть страничка. И у половины его друзей по колледжу и у всех портовых работяг, и даже у Амина. Значит, ради них всех Маги должен работать хорошо.

Но притвориться, что всё это не настоящее? Как? Если все эти страшные вещи происходят на другом конце земли, если пострадавшим не помочь, разве стали они от этого менее реальными? Когда прямо в душу смотрит боль всего мира, как сохранить безучастный вид? Как не чувствовать ненависти и злобы, когда в плачущих жертвах насилия Маги иногда мерещилось

лицо Ами или Имме? Мысли о том, что с его любимыми может случиться что-то подобное, о том, какие они хрупкие, и как он не в силах их защитить, заставляла его душу сжиматься в комочек и выть глубоко внутри. Страх смешивался с любовью, делая её непереносимой. И когда Ами однажды спросила Маги как дела у него на работе, подразумевая, в чём она состоит, он впервые в жизни нагрубил ей, ответив, что это не её дело, потому что не знал, не ведал, у него не было для этого ни красок, ни слов. Лишь во сне из глубин подсознания вынырнул яркий кошмар – кто-то невидимый, и потому страшный, гнался за Маги, загонял его в угол, где с ним должно случиться что-то ужасное, что этот кто-то собирался заснять. Маги всегда просыпался в ужасе, не помня ничего, кроме вспышки в глаза. На работе Маги тоже больше ни с кем не заговаривал. Он уяснил, что в компании не принято болтать по-приятельски, водить дружбу, и даже знать друг друга по именам. Не только из-за большой текучки (несмотря на хорошую плату, не все выдерживали) – незачем привыкать к соседу, который через неделю исчезнет так же, как появился. Но ещё, Маги чувствовал, люди пачкали себя этой работой, от которой, в отличие от пота и краски, не отмыться, и не хотели допускать ещё одной связи с ней. Кто оставался, кому некуда идти, или у кого не было выбора, те придумывали для себя маленькие личные способы отвлечься. Оборудовали свои будки-закутки фотографиями, смешными цитатами, искусственными цветами, пародируя идеальный офис из иностранного фильма. И Маги выстроил свой щит снаружи от того, что льётся по другую сторону монитора. В его «гнездышке» уютно пристроился коллаж из фотографий Ами и Имме, расположенный так, чтобы никогда не оказаться лицом перед монитором.

Каждое утро, пока Маги добирался до офиса в Паранаке – десять минут пешком до станции, час на электричке, пятнадцать минут на автобусе или полчаса пешком, – он жадно вылавливал глазами и прятал в памяти частички прекрасного, которые люди не замечали, принимали как данность. В его личную сокровищницу складывались отблеск рассвета на рекламном плакате, сочетание голубого и персикового узора на платке незнакомки, щербатая

улыбка покосившегося забора. Маги изо всех сил старался помнить как выглядит красота – теперь её стало меньше, словно в его голове опустился какой-то рычаг, приглушивший свет и краски.

Когда от мельтешащих на экране образов-кошмаров хотелось кричать, Маги, не дожидаясь перерыва, доставал из памяти свои сокровища, картинки-доказательства того, что прекрасное существует, и рассматривал в тайне от всех, даже от фотографий Ами и Имме. Он думал, что теперь будет видеться со своими чаще, но получилось наоборот. Обустроивали новое жильё, Имме пошла в школу, Ами нужно срочно лечить зубы... Одно цеплялось за другое, и за его, Маги, карман, деньги в котором так и не оседали. Он клялся найти другую работу при первых признаках благополучия, но не знал, как они проявляются. Зато всегда наготове были новые проблемы, для решения которых нужны деньги, ещё больше денег, и Маги приходилось, отупев от чужой боли, сверхурочно пялился в монитор.

В один свой редкий выходной Маги встал до рассвета, и отправился забытым было маршрутом в порт Манилы. Отвечал кивками и улыбкой до ушей на приветствия работяг, которые не ждали его тут увидеть, и спросил знакомого начальника порта есть ли на сегодня работа. Тот взглянул на Маги, словно в первый раз – от хляка, которого он знал раньше и вовсе остались кости, да кожа, словно выбеленная мукой, но по старой памяти кивнул в сторону причала и скомандовал:

– Разгружай.

Как приятно снова почувствовать тягучую боль в руках, капли пота на шее, как сладок морской воздух после выдоха, когда ставишь груз на землю! Но краше всего – цвета, как будто в голове снова щёлкнул невидимый рубильник, и осветил комнату в полумраке, и краски вспыхнули, обнажая сущность предметов и людей.

– Эй, Маги! Тебя выгнали из фэйсбука? Что ты такого сделал? – кричали ему в лицо знакомые лица, а Маги только кивал и улыбался.

Что он сделал? Что они сделали с ним? Заставили смотреть как умоляет о пощаде женщина, которой режут горло, как

захлёбывается в крови и рвоте добываемый подростками бомж, как машина переезжает собаку – дважды: всё то, что Маги видел, но никогда никому не перескажет, потому что нет таких слов. Тот страшный мир, которому он не принадлежит, и где никому не может помочь, где всё зло уже свершилось, уходил, распадался от яркости реальной жизни, в которую его вернули, как будто вытащив из воды, и он жадно глотал эту жизнь вместе с воздухом.

Он не вернётся в Паранак, в стеклянную башню, в кабинет с картонными перегородками и кондиционером. Немного жаль фотографий на столе, но зато теперь он будет видеть своих Ами и Имме по-настоящему. Да, будет тяжело нести на плечах их новую жизнь, новый дом, но раньше как-то справлялись, вытянут и теперь, он будет много работать. Маги хотелось, чтобы Амин опять смеялся над ним, хотел работать с деверем, где придётся, а после дня трудов выпить с ним пива на закате, прямо из бутылки, как свободный человек. Но это не всё. Те цвета и оттенки, предметы и образы: всю красоту, что он скопил и запомнил, Маги перенесёт на холст, как всегда мечтал, на этот раз найдёт время, даже смертельно уставший, он будет работать над картиной утекающих образов прекрасного. Начнёт прямо сегодня, даже если будет валиться с ног, даже если...

– Берегись!

Потом рассказали – навстречу, нарушив правила, выскочил погрузчик, он, отшатнувшись, упал на доски, а встать не смог. Маги ничего такого не помнил. Он лежал с закрытыми глазами, и под веками у него плескалось море. Боль, больница, заплаканное лицо Ами, оберегающее тепло её руки, сияние её лица и тела – красиво... Доктор сказал, что Маги везунчик, каких поискать – позвоночник повреждён, но не сломан. Никаких больше тяжестей, никогда, только тихая, спокойная работа. Работа, на которой ему дали отгул и даже покрыли страховку.

Когда из больницы отпустили домой, Ами привела Маги в их комнату показать сюрприз: отгороженный ширмой простор – маленький домашний вариант студии, где краски и пустой холст ждали его одного. Жена отвела глаза, стыдливо произнесла:

– Ты не говоришь о своей работе, но я вижу, она тяжёлая. Когда

её нет, ты мог бы отдыхать здесь, заниматься любимым делом. В ответ на его поцелуй, она украдкой стёрла слезу, и сказала, что и вправду хотела:

– Только никогда больше не рискуй собой, как бы мы без тебя!

Как бы он без них, счастливчик Магтанггол Адона...

Раньше по дороге на работу Маги запрыгивал в электричку, и забивался в ложбинку у дверей, вертя головой в поисках образов для своей копилки. Теперь, опираясь на палку, он походкой краба подходил к лавке, садился, поворачивался к окну, и не менял деревянной позы, пока не наступала его очередь выходить. Виды, которые он наблюдал, и которые раньше удивляли разнообразием, теперь походили один на другой – ряд одинаковых и скучных, фотоснимков, не достойных запоминания. Подъезжая к станции Николс, Маги смотрел на самолёты, что садились в аэропорте Манилы, каждый раз с одной и той же стороны, и это тоже был один, застрявший в бесконечном повторе, кадр.

В этих самолётах, думал Маги, прилетают люди из других стран. Они выскакивают из железнобрюхих птиц, и устремляются во все стороны по Филиппинам – на острова и в города, в хостелы и отели, на курорты, в бунгала и кемпинги. Каждый день, каждый час, каждую секунду, эти люди чекинятся, постят селфи, множат одинаковые кадры одинаковой жизни, нажимая на кнопки, генерят контент – быстрее, быстрее, подобно вирусу, устремившемуся в кровотоки. Их жизнь – череда двадцати четырёх кадров в секунду. И где-то в промежутках между ними затеряны кадры, что вываливаются на изнанку зрения, что эти господа видеть не захотят, это испортит им отдых в тёплой стране третьего мира. За их вечнозелёные доллары вместо них это посмотрит Маги. Среди этих людей наверняка есть такие, кто сами заплатят, чтобы смотреть на такое. Есть же тот, кто спокойно снимает как убивают, насилуют, пытаются живое существо. Кто-то там, по другую сторону экрана, видит все кадры до единого, и даже больше, а потом заботливо выкладывает в сеть для Маги. Этот свидетель, его тайный кошмар, прикрывающийся камерой – зритель и создатель одновременно – представлялся Маги единым существом, духом зла, стоящим за каждым кадром. И это любой из них, каждый из них, думал Маги, с ненавистью глядя на

самолёты.

Свет мира, исходивший из повседневности, тускнел, словно на всё, что смотрел и видел Маги, набросили серое покрывало. По ночам, просыпаясь от кошмара, где существо с камерой преследует его, хочет использовать его как часть своего коллажа в какой-то страшной картине, Маги устраивался в своём углу, смотрел на нетронутый холст и блокноты с этюдами, и старался представить, чем бы его наполнить. Но картины и фрагменты, что раньше приходили легко, размывались, оставляя серое пятно забвения. Так было со всем.

Поскучнели и посерели лица жены и дочери, и даже проблески улыбки, искорки в глазах при встрече после долгого дня разлуки, не оживляли их. Лишь мысли о том, что с Ами и Имме тоже может произойти что-то настолько ужасное, что он увидит на экране своего рабочего компьютера, напоминали Маги о его любви к ним, но больше – о страхе за них. Он сто раз экзаменовал дочь на знание правил дорожного движения, ругался с Ами, чтобы ходила за продуктами в местные лавки, а не ездила в торговый центр. Однажды, увидев у Имме на экране планшета – подарок за хорошую учёбу – открытую страничку фэйсбука, Маги отнял и разбил дорогую игрушку об пол. Не дав слезам девочки высохнуть, заставил её при нём удалить аккаунт с домашнего компьютера. Жена не разговаривала с ним два дня, дочь – неделю, и теперь в ней сквозило отчуждение, равного которому ещё не переживалось, словно любовь вытекала по капле. Маги предполагал, у него в запасе ещё есть спокойные года три-четыре до этих странных подростковых изменений, но безопасность Имме важнее её любви, и он заранее смирился с этой потерей. Он возвращался с работы – дочь уходила к себе. Сидя в своём углу у чистого холста, он пытался рисовать маленькую Имме, в ярком карнавальном наряде похожую на цветок, и плакал оттого, что не мог вспомнить.

В обязательных перерывах на работе Маги больше не выходил во двор и приучил себя обедать в столовой фирмы, где еда на вкус такая же, как посуда, в которой её подают (и в этом её главное достоинство), обзавёлся анти-геморройными шариками в ложбинке кресла, и стажёром – парнишкой двадцати с чем-то лет. Когда

новенький привёл себя в порядок после своей первой онлайн-экскурсии в мир человеческого дерьма, Маги успокоил его:

– Ты привыкнешь или уйдёшь.

– А вы как привыкли? – поинтересовался стажёр.

– Делай своё дело, – бросил Маги с ноткой злости, которая теперь прорезалась в его голосе по поводу и без, и отвернулся к своей монотонной работе, где цвета и образы примелькались до того, что приходилось вглядываться, прежде чем нажать на кнопку «удалить».

По утрам, стоя у края серой платформы в ожидании серого поезда, Маги смотрел на серые рельсы, и порой гадал – куда пропала красота? Почему он её больше не видит? Он старался изо всех сил: яркая тряпка на заборе, леденец на палочке в руке младенца, переплетение букв трёх языков в названии станции на табличке... Нет, всё не то, всё подёрнуто серыми «мушками» в глазах, пылью, рябью. Это от торчания перед монитором, думал Маги, надо просто больше отдыха давать глазам. Но в глубине души он знал, что вернёт ему краски. Достаточно, когда подойдёт его поезд, сделать шаг вперёд с платформы, и в этот миг жизнь засияет как никогда. Он увидит её всю в своей полноте, красоте и ужасе, все двадцать четыре кадра одновременно. Порой он не знал, что удерживает его от этого шага.

Глядя на мелькающие за окном электрички заученные виды, Маги погрузился в мысли о том, как попал в этот поезд, как пронёс в себе этот шаг не туда, и не заметил, что над кварталом аэропорта, к которому приближалась электричка, сгустилась тень самолёта, принявшая вид грозовой тучи или чёрного креста. Краем сознания с мимолётным уколом страха, ему показалось, что это ещё один фильтр наложился на его зрение, явнее, чем раньше, хватит, точно надо к врачу... но за образом пришёл звук. По тому, как вскакивали с мест другие пассажиры, Маги понял – тень видят все, все слышат нарастающий гул, в котором прорезалось что-то злое. Внезапное затемнение и шум разорвались яркой вспышкой света, которому настал конец.

Маги увидел, как мир разрывается на куски и комкается подобно страничке из блокнота с неудачной зарисовкой. Стёкла вжались

внутри, и лопнули как мыльные пузыри, осыпав Маги осколками, засиявшими радугой. Вещи и люди выли на разные голоса, вращались и падали, и только Маги как приклеенный сидел на лавке, глядя на мешанину перед собой – космонавт в невесомости. А затем гравитация вернулась, и шмякнула его об землю всей силой своей любви.

Сначала вернулась способность видеть, звук позже. Маги чувствовал себя запертым внутри чужого тела – высокой башни, за чужими глазницами – забралом шлема. Эта броня закрыла его от того, что он видел.

Поезд должен был подъезжать к станции Николс, но её больше не существовало, как и самого поезда, и кольца эстакады, и небольшой лесополосы между ней и наглухо затворёнными воротами с надписью «частный гольф-клуб» по-английски. Всё это смялось в большое чёрное пятно, выжженное до самых краёв горизонта, и на этом пятне цветами распускались точки нереально-ярких оттенков: раскрытые чемоданы, части тел, каркасы строений – мёртвые обрывки, которые никогда не сложатся в то живое, чем были раньше.

Маги стоял внутри вагона, разрезанного пополам, стоял посередине, сжимал свою палку в руке, словно только что открылась дверь, и он вошёл, но не в поезд, а в картину. Картину сюрреалиста. Он был щепкой, не разбитой ударной волной цунами, травинкой, не задетой ураганом, выдирающим с корнем толстокожие деревья, слишком маленький, чтобы его поглотил огонь катастрофы. Маги стоял в её эпицентре, единственный выживший, смотрел до тех пор, пока обзор не закрыла водяная плёнка, как это бывало до редакции – когда смотрел на море, и видел его изнутри. Но вот и вода сошла, а картинка осталась. Та картинка, выехавшая из кошмара в реальность. Нет, догадался Маги, это его самого поместили в неё, как в коллаже, как на компьютере: вырезать – вставить.

Он смотрел, смотрел и смотрел. Посыпанное солью-пылью тело ребёнка, оторванная ступня, обожжённый труп (мужской или женский?) – Маги видел, и не видел всё это одновременно, обновлённым зрением, с которого сошли все фильтры, и удивлялся, почему картинка не ограничивается рамкой монитора,

дёргал в конвульсии пальцами, не находя клавишу «удалить». Он различал сирены, видел, как у воронки белые машины с красными крестами сыпали за край маленьких человечков, подобно ручейкам высохшего песка. Человечки бежали к сердцевине, становясь частью этого полотна, нет, тысячей разных фотоснимков, бегущих, кричащих. Только Маги стоял в эпицентре, и из него пытался сделать единственное, что у него до сих пор получалось – удалить. Но это не работало.

Тогда Маги и понял – это по-настоящему, не на компьютере, а живую, здесь и сейчас. Вот она, настоящая жизнь: выжженное поле ада с ошмётками тел, с картины, которую он никогда не напишет. Пусть в ней нет Ами и Имме, какое это имеет значение, если в любую секунду всё снова может перевернуться, и они окажутся здесь? Что мешает монстру из кошмаров Маги вырезать и вставить их (ногу сюда, руку туда, перехлестнуть хребты, оборвать волосы и лица) в свой кроваво-чёрный коллаж?

Он видел монстра, самым краешком зрения и сознания, видел с самого начала. У края полотна монстр навёл прицел, ослепил Маги солнечным зайчиком, отскочившим от телефона или планшета, и, упиваясь чужой болью, защёлкал с разных ракурсов, делал селфи, и отмечал на фото своих друзей, и постил, постил, постил... Всё это потекло кровавой рекой на рабочую почту Маги, в режиме реального времени, двадцать четыре кадра в секунду, без перерыва, и теперь Маги точно знал, он видел – этому нет конца.

Об авторе: МАРИЯ ЗАКРУЧЕНКО

Родилась в Самаре. Закончила СамГУ и Московскую Школу Кино. В разное время была курьером и госслужащим, юристом и продавцом в детском книжном магазине, театральным режиссёром и переводчиком, редактором и журналистом. Пишет рассказы, повести, сценарии, пьесы, рецензии и критические обзоры на современную литературу и кино. Участница Форумов молодых

писателей России. Публиковалась с рассказами и прозой в журналах «Вайнах», «Октябрь», «Знамя», Литература, в сетевых изданиях «Сетевая словесность», НГ Exlibris и др. Некаýalar